

родную страну от других стран, любовь к национальному характеру, отличающему соотечественника от пришлого гостя или недруга, любовь к общим предкам, общей истории. Если говорить о России, то речь следует вести о любви к русской культуре, русскому характеру, русской истории. Именно русская культура стала общенациональным достоянием, впитав в себя достижения различных этнических культур, соединенных в Российском государстве. Можно с уверенностью сказать, что тот, кто не любит русскую культуру, русскую историю, русский характер, тот не может считаться патриотом России. «Патриотизм рождается ощущением бытия нации в собственной душе, собственном сознании. Патриотом можно быть лишь настолько, насколько нация присутствует в индивидуальной системе ценностей» [6].

Литература

1. Ильин. И.А. Основы христианской культуры. Мюнхен, 1990.
2. Самохин Ю. Вероисповедание как феномен социальной и этнической адаптации человека. Доклад. IV Глинские чтения. 2001г. http://kraevedenie.chat.ru/articles_sam/relig_sc.htm
3. Родоман Б.Б. Ведаем ли мы, что творим, или Пейзаж России // Знания-сила. № 10. 1990.
4. Аксочиц В. О русском национальном характере. www.pravoslavie.ru/cgiin/jurnal.cgi?item=1r549&limit=20
5. Ренан Э. Что такое нация // Соч.: В 12 т. Т.6. С.89-102.
6. Колев З. Сущность патриотизма. <http://kolev3.narod.ru/Books/Czech/chech2.html>

В.В. БАЧУРИН

ДУХОВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

На фоне продолжающего уже второе десятилетие процесса дезинтеграции России начинают вырисовываться первые проекты формирования национальной идеи, как предполагающие быструю интеграцию страны в мировое сообщество подобно восточноевропейским государствам, так и вновь подчеркивающие, что Россия – не Европа. В связи с этой «славянофильско-западнической» полемикой необходимо отметить качественные различия между возможностью развития по европейскому пути, скажем, Польши или Чехословакии и России, обусловленные особенностями национального самосознания и культуры, и высказать несколько замечаний по поводу языкового мировидения и религиозного сознания восточных и западных славян.

Как известно, выбор между Востоком или Западом относится в России к вечным проблемам, и очевидно, что другой язык и другая вера дали бы иные способы организации народной жизни и существования народного

духа. Разделение славянского мира на Pax Slavia Orthodoxa и Pax Slavia Latina наглядный пример того, как выбор религиозного пути налагает отпечаток на культуру, антропологию и язык. Человек стремится к уподоблению тому, во что верит, и выражает свои мысли на языке культурного мира, частью которого является, диалог с которым пребывает. Согласно этнолингвистическим исследованиям различных форм культуры, культура находит, помимо материального, духовное воплощение, используя естественный язык как универсальное средство создания концептов языка культуры. Выбор православия и славянского языка в качестве богослужбного явилось выбором определенного уклада духовной жизни и фундаментом для цивилизации православного славянства.

Разделение славянства на Pax Slavia Orthodoxa и Pax Slavia Latina на основе первого конфессионального языка – прежде всего расхождение в духовной области, каждый из этих «миров», при этническом родстве, имел свое «объединяющее начало умственной жизни» [2, с.304]. Проблема разделения двух культурных миров не только в том, что западные славяне волей судеб оказались на территории, которой исторически надлежало принадлежать западно-христианскому, а позже католическому миру, а восточным – православному, не только в догматических и обрядовых расхождениях, но, прежде всего, в принципиальном различии духовной практики.

Запад и Восток: два разных культурных мира, два христианства. «Запад молод в культурно-историческом отношении, Запад юн. Восток – стар, – пишет архимандрит Рафаил (Карелин), – Запад деятелен. Восток созерцателен. Запад весь в эмоциях, весь в движении, весь в динамике. Восток же углублен в себя, он как бы не отрывает взгляда от сокровищ, которыми обладает. Запад – в порыве, в поиске в дерзновении. Восток же хранит. Запад мечтает и грезит. Восток ищет везде вечные идеи под покровом видимого. Запад одевает своих святых в белоснежные одеяния, увенчивает их головы венками из роз, а восток видит святость одинаково и под рубищем, под золотом, не делает атрибутом святых ни лохмотья нищего, ни власяницу монаха, ни пурпур царей, он как бы проходит мимо внешнего» [7, с.116-117]. Западный мир явился наследником традиций античного мира, пленником юридикзма Римской империи и особенностей августиновского богословия. Человек в падении и муках искания – вот главная тема творчества самого выдающегося из представителей западного богословия блаженного Августина. Он насквозь психологичен, восточные же отцы Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский, показавшие человека в его преображении – мистичны. Стремление к внешнему движению, борьбе со злом на земле, к низведению Царства Небесного на землю, построениярая на земле, земными же средствами, нашло выражение в социальных утопиях и инквизиции. Восток всегда отдавал «кесарю кесарево», а ареной борьбы со злом избрал не землю, а человеческое сердце, обратив динамику духа внутрь себя [7, с.117-121]. Как следствие, именно в восточном христианстве присутствует подлинный дух свободы, и

православие есть в смысле рациональной логики и морального юрицизма наименее нормативная и наиболее духовная форма христианства.

Восток и Запад говорят на двух разных языках. При соприкосновении с ключевой терминологией католического богословия сразу ощущается чуждость языка юридического духу богословия восточных отцов: *merita* (заслуги), *satisfaction* (удовлетворение), *poenae temporales* (временные наказания), *merita supererogationis* (сверхдолжные заслуги) и т.д. Основатель католической сотериологии епископ Ансельм Кентерберийский все свое учение уподобляет человеческим отношениям между оскорбителем и оскорбленным. В сочинении «*Cur Deus homo*» («Почему Бог воочеловечился») он определяет «грех» как отняtie у Бога, что ему принадлежит. Грешник должен вернуть Богу то, что у него похитил (*quod rapuit*) ...с избытком (I, 11). «Невозможно, чтобы Бог терял свою честь (*Deum impossibile est honorem suum perdere*), поэтому или грешник добровольно отдаст то, что должен, или Бог возьмет у него силой». Поскольку Бог отнимает у человека то, что должно бы принадлежать человеку, то есть блаженство (I, 14), чтобы пользоваться блаженством, от человека требуется или не грешить, или принести за грехи достаточное удовлетворение» [цит. по: 5, с.83]. Ансельм утверждает необходимость удовлетворения или наказания за любой грех, невозможность его безнаказанного прощения.

Напротив, православие исходит из другой системы координат. Отсюда рождаются необычные, далекие от рационализма слова: «радостопечалие» - заимствовано в русский из византийских отцов, «добротолубие» (от греч. *φιλοκαλέο* – «любить все прекрасное и хорошее» по греческо-русскому словарю А.Д. Вейсмана, т.е. русские переводчики с учетом фоновой семантики переосмыслили слово, создав собственное), *μετάνοια* – «покаяние», а дословно содержательно более глубокое слово «перемена ума». Не будем настаивать на каких-либо сравнительных преимуществах языков: будь то латынь, греческий или церковнославянский – однако любопытна позиция патриарха Фотия, человека блестящей учености и рационалиста, выразившего в конце книги «Мистагогия», посвященной проблеме *Filioque*, «сомнения в пригодности латыни для правильной передачи смысла догматических тонкостей» [6, с.308].

В соединении с факторами этнического мировидения и культуры проблема переводимости текстов с языка западного христианства на язык православия приобретает иной характер. Рационализм Запада воспринимает весь мир в категории вещи, стремится представить и мир, и вечные идеи и личность в виде схемы. Как писал В.Ф.Эрн, «вещь, взятая как чистая категория, есть не что иное, как схема. К схеме математической, динамической, трансцендентальной или диалектической и старался всегда рационализм свести все существующее.» [9, с.291].

В результате важнейшие концепты культуры христианского Запада и Востока, при близости и внешней похожести, имеют различное содержание. В современном мире это наиболее ярко иллюстрируют проблемы, возникающие при общении представителей различных культур. Интересный

материал по этой теме представляет в работе «Теория и практика межкультурной коммуникации» Д.Б. Гудков. Неадекватное восприятие русского слова «грех» свойственно не только представителям далекой от христианства культуры – японцам. Так смысл рассказа А.П. Чехова остался непонятен студентам из Японии, и хотя в словаре дано соответствующее японское слово как эквивалент русского, но принципиальное различие концептов создавало ситуацию невозможности перевода. Но и свободно владеющая русским языком испанская студентка испытывала большие сложности с употреблением слова «грех», потому что «оно не совпадает с функционированием соответствующего испанского слова (*pecado*); это приводит к тому, что существует большое число контекстов, в которых эти слова (эквивалентные по словарю) оказываются непереводаемыми. Сама она не могла четко сформулировать, в чем заключаются различия (последнее представляется вполне закономерным, поскольку подобные концепты воспринимаются... не столько дискурсивно, сколько интуитивно), но считала, что они обусловлены различиями между православной и католической традициями в понимании греха, отразившимися в лексиконе, соответственно, русского и испанского языков» [3, с.184-185]. Хотя толковые словари русского и испанского языков практически не дают различия в этих словах, т.е. значение слова одинаково (ср.: В. И. Даль: «грех – поступок, противный закону Божию, вина перед Господом...»; С.И. Ожегов: «Грех. 1. У верующих: нарушение религиозных предписаний, правил...2. Предосудительный поступок...»; Larousse basico escolar: «*pecado* – *transgresion de la ley Divina...*» (нарушение (преступление) Божьего закона), концепт греха в восточном и западном христианстве существенно различается. «Концепт греха, – пишет Гудков, – имеет религиозное происхождение, но, конечно, употребление соответствующего имени значительно шире, оно постоянно встречается и в речи тех людей, которые не относят себя к верующим («Чем-чем, а этим грехом не грешны», – говорит атеист Базаров), но различие соответствующих русского и испанского концептов, вероятно, определяются именно различиями в религиозной традиции, которые находят отражение в употреблении указанных имен» [3, с.185].

Католическое богословие имеет тщательно разработанную номенклатуру грехов, отсутствующую в православии, где «грех» не нарушение юридической нормы, но повреждение человеческой природы вследствие нарушения закона Божия (не внешних формальных установлений). Т.е. концепт «грех» толкуется через другой концепт «закон», также неоднозначный. «Концепт «Закон» существует в трех различных сферах культуры, и соответственно — слово *закон* имеет три различных основных значения — 1) закон юридический, 2) закон Божеский, а также закон нравственный, 3) закон науки» [8, с.427]. За соблюдением закона 1 (формального, «внешнего») следит общество, его институты, соблюдение закона 2 («внутреннего», существующего в виде нравственного императива) контролируется совестью. Нарушение закона юридического часто

происходит одновременно с нарушением закона нравственного, однако, во-первых, это бывает не всегда, а, во-вторых, и в этом случае речь идет о двух разных законах. Отсюда такой оборот, как «поступать (судить) не по закону, а по совести», естественный для русского, отсутствует в языках западноевропейских народов, а нарушение определенных формальных установлений - неуплата налогов, списывание на экзамене – для американца или немца действия безнравственные, русским могут вообще не рассматриваться с точки зрения морали, т.к. граница между нравственным и безнравственным совершенно не совпадает с границей между дозволенным и недозволенным. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского построено на противопоставлении двух законов: юридического и нравственного Раскольников совершает не просто преступление, нарушая закон несправедливого общества, но грех. И обвинителем его является не государственная машина (Раскольникова невозможно обвинить «по закону»), а совесть [3, с.188]. Закон юридический русским часто представляется как нечто чуждое и не имеющее нравственного смысла. Так определяет взаимоотношения между нравственностью и правом К. Касьянова: «Мораль всегда имеет высший смысл. И законодательство тоже должно иметь высший смысл. Наше законодательство для нас такого смысла не имеет. Я думаю, что какой-то высший смысл в нем есть. Этот смысл вложили в него те народы, которые создавали его первоначально на основании своего собственного обычного права, которое, в свою очередь, всегда обязательно опирается на какую-то изначальную и исконную систему коллективных идеалов. Но это не наш смысл и не наши идеалы, и поэтому нам они не видны. А свой смысл мы не можем поместить в эту систему. И потому государство и культура продолжают столетиями существовать параллельно, сталкиваясь и мешая друг другу» [4, с.312].

Таким образом, вариации даже между контактирующими и взаимосвязанными культурами могут быть значительными. Донос – явление широко распространенное в любом обществе – в сознании русского, в отличие от европейцев и американцев, лишено ореола «гражданского долга», и воспринимается как подлость. Любопытен, по наблюдению Гудкова, тот факт, что ряд современных словарей английского языка, изданных в США, вообще не указывают религиозную составляющую в своем толковании существительного *sin* («грех»). Например, Roget's II, *The New Thesaurus*, Boston 1988: *SIN* 1. a viced act; 2. that which is morally bad or objectionable; 3. something that offends one's sense propriety, fairness or justice.

Параллельное сопоставление знаков и понятий в разных языках дает любопытную картину полноты и возможных пробелов в семантической системе соответствующего языка. Кроме того, мы видим существенное различие в концептах различных культур, спроецированное на языковую картину мира отдельных этносов. Например, для японцев концепт «свободы», по предположению А. Вежибичкой, является культурно чуждым и «фактически не согласуется с такими ключевыми японскими ценностями, как «атае» ('любящая зависимость'), «епгуо» ('неассертивность'), «оп»

(‘бесконечная обязанность по отношению к другим’) или «gigi» (‘долг по отношению к другим’) [1, с.254]. Для христианских народов наиболее глубокие различия определены конкретной духовной традицией.

Существенная разница между Западом и Востоком – во внутреннем молитвенном, мистическом опыте, в проведении границы между душевным и духовным. Определяемое в православии как естественное состояние в западной мистике воспринимается как благодатное. Западные подвижники сами создают себе объекты религиозного поклонения, становятся творцами своего религиозного опыта.

Pax Slavia Latina принял Св.Писание на латыни, а западно-христианскую традицию в качестве начала духовной жизни. И хотя, по своей объединяющей функции, церковнославянский язык во всем подобен средневековой христианской латыни, для ареала Pax Slavia Latina последняя никогда не была и не могла стать «своим» языком хотя бы по причине генетического отстояния латыни от славянских языков в целом и в силу большей надэтничности латыни, использовавшейся далеко за пределами романского мира. Если исследовать книжно-письменное развитие в ареале Pax Slavia Latina, то она характеризуется академиком Толстым как «двулитературность». В Pax Slavia Orthodoxa славянский никогда не воспринимался и не изучался как иностранный язык, будучи вполне понятным и существующим как высокий слог своего языка, т.е. речь идет о диглоссии – одновременном существовании в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. История западных славян свидетельствует об их не вполне реализовавшихся стремлениях обрести подлинную национальную самостоятельность при наличии одновременно неразрывной связи с восточнославянским миром и закономерном тяготении к Западу. Возникает вопрос, не произошло ли обеднения мира западного славянства под воздействием чуждого языка и образа мысли?

России же проблему культурной и языковой независимости приходилось решать минимум два раза -- в X и XVIII-XIX вв. Созданием великой литературы, художественной культуры, самобытной философии Россия во многом обязана этому выбору.

Итак, генетические корни сами по себе не определяют самосознание и культуру народа, но вместе с духовными и лингвистическими предпосылками являются важнейшими коррелирующими факторами в уникальном этническом синтезе, создающем тот или иной народ.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
2. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М, 1997.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. 2003.

4. Касьянова К. О русском национальном характере. М. 1994.
5. Козлов, священник Максим. Огицкий Д.П. Православие и западное христианство. Изд. 2-е. М., 1999.
6. Мейендорф, протопресвитер Иоанн. Введение в святоотеческое богословие. Изд. 4-е. Киев, 2002.
7. Рафаил (Карелин), архимандрит. Христианство и модернизм. М., 1999.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
9. Эрн. В.Ф. Сочинения. М., 1991.

П.И. СЕРГЕЕВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В начале XXI века вопрос о национальной безопасности России приобрел новое звучание и актуальность, что было обусловлено как обострением старых, так и появлением новых угроз внутреннего и внешнего характера. Внешние – угрозы, главным образом связанные с процессом глобализации и широким спектром порождаемых ею проблем. Например, уступка части экономического суверенитета страны как одно из последствий грядущего присоединения России к Всемирной торговой организации, или та же проблема международного терроризма. Не меньшую опасность несут в себе и внутренние факторы. К их числу можно отнести такие важнейшие составляющие национальной безопасности, как консолидация общества, социальная стабильность в государстве в целом.

К сожалению, предпринимаемые властями усилия нивелировать имущественное расслоение общества пока не увенчались успехом. На фоне продолжающегося уже пятый год экономического роста увеличивается дифференциация доходов жителей России. В 2004 году соотношение между 10% наиболее и 10% наименее обеспеченными группами населения возросло с 13,9 в 1998 году и 14,1 в 2000-ом до 15 раз (а по данным Мирового банка даже до 20 раз). Заметим, что максимально допустимым, пороговым значением принято считать восьмикратный разрыв. За его пределами начинается зона повышенного риска, когда вероятность перерастания напряженности в обществе в социальный взрыв очень велика. В этом контексте необходимы действенные меры по ликвидации гипертрофированной диспропорции в размере заработной платы работников топливно-энергетического, банковского секторов и трудящихся легкой промышленности, сельского хозяйства, бюджетной сферы. Без перераспределения природной ренты, перехода от плоского к прогрессивному подоходному налогу и отказа от существующей практики получения сверхприбылей монополиями объединениями о социально-политической стабильности консолидации в России не может быть и речи.